
И. А. Крывелев

МАРКС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА)

По своим методологическим исходным позициям, а в значительной мере и по своему теоретическому содержанию, этнография как научная дисциплина находится в теснейшей связи со всеми другими общественными науками. И вполне понятно, что такой решающий поворот, который был осуществлен в общественном сознании К. Марксом в сотрудничестве с его другом и соратником Ф. Энгельсом, составил эпоху и в истории этнографической науки.

К тому времени, когда Маркс начинал свою научную и политическую деятельность, существовала уже довольно богатая этнографическая литература. По своему содержанию она была в основном описательной. Широкие и общие концепции исторического процесса, созданные Д. Вико, Ш. Монтескье, И. Г. Гердером, М. Кондорсэ, Г. Гегелем, базировались не столько на конкретно-историческом и, тем более, на этнографическом материале, сколько на априорных умозрительных построениях философского порядка. Последующее накопление этнографией и другими историческими науками конкретных сведений о жизни и истории разных народов ойкумены создало возможность решения теоретических проблем истории человечества и его культуры, основанного на зафиксированных наукой реальных фактах.

Наряду с большим количеством новых монографий, освещающих культуру и быт отдельных племен, народов и их групп в разных концах земного шара, к середине и во второй половине XIX в. появляются труды, в которых трактуются проблемы общего и особенного в судьбах народов мира и в их материальной и духовной культуре, делаются попытки установить те закономерности развития культуры, которые определяют ее этническую специфику и сами определяются ею. Это знаменовало рождение этнографии как науки в собственном смысле этого слова. И, конечно, новая наука возникла отнюдь не в безвоздушной атмосфере абстрактно-академических размышлений, а в определенных исторических условиях, в обстановке общественной борьбы, — политической и идеологической.

Капиталистические страны Европы уже в течение нескольких столетий занимались колониальным разбоем, порабощая, эксплуатируя и истребляя оставшие в технико-экономическом и культурном отношении народы земного шара. Позади была «утренняя заря капиталистической эры производства», главными моментами которой были такие «идиллические процессы», как «искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих»¹. Подходила к концу и стадия «классического» ка-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 760

питализма, также ознаменовавшаяся массовыми захватами неизвестных раньше земель и порабощением их коренного населения. С 70-х годов стали проявляться симптомы перерастания промышленного капитализма в империализм, органическим элементом которого должен был явиться колониализм нового типа. Колоссальным по своим масштабам территориальным захватам второй половины XIX в. предшествовали и их сопровождали географические и этнографические исследования.

И старые и новые методы порабощения и истребления колониальных народов находили свое «научное» оправдание в теориях неравноценности человеческих рас, во взгляде на отсталые народы, как предназначенные самой природой к служению «высшей расе». Если раньше идеологическое обоснование всех гнусностей колониалистской практики достигалось при помощи ссылок на Библию и таких ее персонажей, как Хам и Измаил, а также на главу X («этнографическую») книги Бытия, то к середине XIX в. на вооружение реакции поступает «научная» теория расизма; в 1853 г. начал публиковать свои труды Ж. А. Гобино, — столп расистской лженауки. В какой-то мере учение о неравенстве рас и народов нашло свое теоретическое выражение и в философской системе Гегеля.

Внутренняя противоречивость гегелевского учения особенно ярко выразилась в его философии истории, о которой В. И. Ленин сказал, что «здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован»². Всемирная история, по Гегелю, представляет собою процесс самовыражения и самопознания абсолютного духа через духи отдельных народов, а ее события «являют собой диалектику отдельных народных духов»³. В ходе истории мировой дух попеременно воплощается в различных народах, причем число их, достаивающееся этой высочайшей чести, строго ограничено. Древневосточные народы (китайцы, индийцы, персы, египтяне) были носителями духа на первом этапе мировой истории, потом эту роль последовательно исполняли греки и римляне, после чего она перешла к германцам, коим и предстоит завершить всемирно-исторический процесс. Все остальные народы, — а они составляют подавляющее большинство, — остаются, таким образом вне активной истории и могут служить только объектами ее. Вполне очевидно, что такая философия истории могла ориентировать формировавшуюся этнографическую науку лишь в реакционном направлении.

И все же в борьбе реакционных и прогрессивных устремлений и интересов подлинная наука в конечном счете всегда пробивает себе дорогу. Вопреки расистским и близким к ним концепциям во второй половине XIX в. шло формирование научной этнографии. В многочисленных трудах А. Бастиана, Т. Вайца, Р. Латама, Э. Тайлора, Ю. Липперта, Д. Леббока, И. Бахофена, Д. Мак-Леннана, М. Ковалевского и особенно Л. Моргана были заложены основы науки, не только рассказывающей о наблюдениях путешественников, моряков, торговцев, военачальников и миссионеров над нравами и обычаями «дикарей», как было характерно для этнографической науки предшествующей эпохи, но и делающей на материале этих наблюдений, с привлечением данных и других наук (археологии, антропологии, социологии, ряда областей естествознания), важнейшие обобщающие выводы о закономерностях развития общества и его культуры, о взаимоотношениях народов, об их судьбах в ходе исторического процесса.

Методологической основой теоретической этнографии в течение первых десятилетий ее существования являлся позитивизм и ярко выражен-

² В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1965, стр. 289.

³ Гегель, Соч., т. III, М., 1956, стр. 329.

ный эволюционизм. В этой области науки позитивистская философия и методология дали прогрессивные для своего времени результаты.

Важнейшей плодотворной идеей, базировавшейся на позитивизме эволюционистской этнографии, было положение о единстве человеческого рода. Не существует, признавало большинство этнографов второй половины XIX в., принципиальных различий между расами и народами, нет высших и низших народов, все одинаково способны к развитию, все в равной мере полноценны; к нашему времени на земле не осталось бескультурных народов, есть только отставшие по тем или иным причинам в своем экономическом и культурном развитии. В идеологическом и непосредственно политическом плане это было прямым вызовом стремлениям научной и идеологической реакции оправдать практику колониалистского порабощения «диких» народов «культуртрегерами» из передовых капиталистических стран. Подлинная человечность, особенно ярко воплощенная в деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая, была написана на знамени этнографической науки этого периода.

Из принципиального положения о единстве человечества вытекала идея об общем пути развития, проходимом разными народами в соответствующие периоды истории общества. В процессе этого развития действуют в общем одни и те же факторы, аналогичны и те объекты, на которые они влияют, поэтому путь, которым следуют в своем развитии разные народы, — один и тот же, различны только темпы движения по этому пути. Отсюда следует, что народы, ушедшие вперед, могут видеть в состоянии отставших народов свой вчерашний день, а наука, изучая жизнь последних, реконструирует тот путь, которым прошли современные развитые народы.

По своему научному содержанию эволюционистская этнография страдала рядом слабостей и недостатков. Она подходила к общественным явлениям с биологической меркой, она не учитывала качественного своеобразия отдельных этапов исторического развития и поэтому во многом модернизировала начальные этапы истории человечества и его культуры, ей был в общем чужд материалистический подход к трактовке этно-исторических процессов. И все же для своего времени она представляла собой прогрессивное научное явление.

Одна из сильных сторон эволюционизма заключалась в том, что он открывал возможность постановки и решения важнейшей проблемы, имеющей серьезное мировоззренческое значение: была поставлена задача — с помощью материалов, освещающих жизнь, культуру, общественный и семейный быт отсталых народов, сочетая их с данными антропологии, археологии и «письменной истории», — воссоздать картину происхождения и первых фаз развития человечества. Возникла специальная научная дисциплина — история первобытного общества.

* * *

Еще смолоду Маркс тщательно изучил существовавшую к его времени литературу по истории материальной и духовной культуры, истории народного хозяйства, общественного и семейного быта; в дальнейшем на протяжении всей своей жизни он внимательно следил за тем, что появлялось нового в научной литературе по этим вопросам. Сохранились следы этой работы, — грандиозной по своим масштабам и интенсивности, — огромное количество конспектов и выписок из прочитанных книг и журналов на многих языках. По материалам, хранящимся в фондах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, мы можем судить о том, в какие периоды жизни Маркса в сфере его внима-

ния находилась научная литература по тем или иным проблемам этнографии и истории культуры.

В 1842 г. Маркс читал и тщательно конспектировал ряд книг по религиоведению и истории религий. В первую очередь здесь следует отметить классическую работу де-Бросса о фетишизме⁴. Маркс изучил в это время и такой обобщающий труд, как двухтомное сочинение Мейнерса по всеобщей истории религий⁵, и книгу Беттигера, посвященную анализу проблем теории мифа⁶, и книгу Барбейрака об этических воззрениях отцов церкви⁷. Скоро в круг интересов молодого Маркса включаются собственно этнографические проблемы: в 1843 г. он изучает книгу Гамильтона о населении США⁸.

В начале пятидесятых годов Маркс начинает особенно интенсивно работать над литературой по этнографии и истории культуры. Его внимание привлекают две большие работы Ваксмута по этим областям знания⁹. К обобщающим трудам по этим дисциплинам относятся и подробно законспектированные Марксом в это время сочинения Друманна¹⁰ и Эйхгорна¹¹. В апреле — мае 1851 г. Маркс прочитал книги В. Тэйлора¹² и Маккиннона¹³ по истории цивилизации. В 1853 г. он штудировал отдельные тома обширного сочинения Клемма «Всеобщая история культуры человечества»¹⁴. Несколько ранее Маркс изучил книгу Миллара¹⁵, в которой был впервые поставлен вопрос о матриархате как особой форме человеческого общежития; небезынтересно отметить, что Маркс читал эту работу за 20 лет до того, как с ней ознакомился такой специалист по истории семьи, как Мак-Леннан¹⁶.

Изучение общих вопросов истории культуры связывалось у Маркса с исследованием проблем демографии, распределения человечества по земному шару, этнической характеристики различных массивов народонаселения в разных концах ойкумены. В этой связи он изучает журнальные статьи Г. Спенсера по теории народонаселения¹⁷, демографические труды Даблдея¹⁸ и Элисона¹⁹. Для ориентировки в распределении этнических групп на земном шаре Маркс использует работу на эту тему Пикеринга²⁰. Из демографических проблем привлекли особое внимание Маркса вопросы, связанные с плотностью населения и с возве-

⁴ Ch. De Brosses, *Du culte des dieux fétiches...*, Paris, 1760. Маркс пользовался немецким переводом: «Über den Dienst der Fetischgötter», Berlin — Stralsund, 1785.

⁵ C. Meiners, *Allgemeine kritische Geschichte der Religionen*, Bd. 1—2, Hannover, 1806—1807.

⁶ C. A. Böttiger, *Ideen zur Kult-Mythologie*, Bd. I, Dresden, 1826.

⁷ Z. Barbeyrac, *Traité de la morale des Pères de l'Eglise*, Amsterdam, 1728.

⁸ Th. Hamilton, *Die Menschen und die Sitten in den Vereinigten Staaten von Nord-Amerika*, Mannheim, 1834.

⁹ W. Wachsmuth, *Allgemeine Kulturgeschichte*, Leipzig, 1850—1851, Tl. 1—2; его же, *Europäische Sittengeschichte vom Ursprung volkstümlicher Gestaltungen bis auf unsere Zeit*, Tl. 1, Leipzig, 1831.

¹⁰ W. Drumann, *Grundriss der Kulturgeschichte*, Königsberg, 1847.

¹¹ J. G. Eichhorn, *Allgemeine Geschichte der Kultur und Literatur des neueren Europa*, Bd. 1—2, Göttingen, 1796—1799.

¹² W. C. Taylor, *The natural history of society in the barbarous and civilised state*, vol. 1—2, London, 1840.

¹³ W. A. Mackinnon, *History of civilisation*, vol. 1—2, London, 1846.

¹⁴ G. Klemm, *Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit*, Bd. VI, VII, Leipzig, 1847, 1849.

¹⁵ J. Millard, *Observations concerning the distinctions of ranks in society*, London, 1753.

¹⁶ См.: М. О. Косвен, *Матриархат*, М., 1948, стр. 212.

¹⁷ H. Spencer, *The theory of population*, «Westminster Review», 1852.

¹⁸ Th. Dablday, *The true law of population*, London, 1842.

¹⁹ A. Alison, *The principles of population*, vol. 1—2, Edinburgh, 1840.

²⁰ Ch. Pickering, *The races of man*, London, 1851.

щенной Мальтусом зловещей перспективой перенаселения. Он читает посвященные этим проблемам книги Торнтона²¹ и Воугена²². Проблемы численности народонаселения Маркс старается выяснить и в историческом плане, — он изучает в этих целях труд Уоллеса о численности населения в разные эпохи²³. Позднее эти материалы помогут Марксу в его последовательной и целеустремленной борьбе против реакционной теории мальтузианства.

Из общих проблем истории человечества и его культуры внимание Маркса в этот период привлекает вопрос о положении женщины на разных ступенях исторического развития. В 1852 г. он прочитал и законспектировал посвященные этой теме книги Юнга²⁴, Мейнерса²⁵, Сегюра²⁶, Тома²⁷. В дальнейшем «женский вопрос» приобретает особо важное значение в этнографии и в историографии первобытного общества, поскольку на одно из первых мест выдвинется здесь проблема матриархата. основополагающие работы в этой области, созданные Мак-Леннаном и Бахофеном, через два с лишним десятилетия привлекут пристальное внимание Маркса и Энгельса и будут подвергнуты ими тщательному изучению.

Одновременно с общетеоретическими проблемами этнографии и истории культуры научные интересы Маркса требовали изучения фактических материалов по истории колонизации ряда стран земного шара, по вопросам, связанным с методами колониальной политики, с судьбами порабощенных народов колоний. В августе-сентябре 1851 г. он читает и конспектирует ряд работ этого плана, принадлежащих Меривейлу²⁸, Уэйкфилду²⁹, Бакстону³⁰, Прескотту³¹. Немного позже Маркс начинает уделять особое внимание вопросам этнографии и истории Индии. Он читает в связи с этим работу Солтыкова³², затем — высоко оцененную им книгу Бернье³³ и ряд других. В дальнейшем Маркс неоднократно вновь обращался к описательно-этнографической литературе по отдельным народам земного шара. Известно, например, что в августе — сентябре 1881 г., он штудировал книги по этнографии народов Индии и Индонезии³⁴.

С конца 60-х гг. у основоположников марксизма вызывают особый интерес вопросы, связанные с ранними ступенями развития человеческого общества, и, в частности, вопрос о значении общины как формы человеческого общежития. В 1868 г. Маркс изучает работы Маурера³⁵, еще

²¹ W. T. Thornton, *Over-population and its remedy*, London, 1846.

²² R. Vaughan, *The age of great cities*, London, 1843.

²³ R. Wallace, *A dissertation on the number of mankind in ancient and modern times*, Edinburgh, 1735.

²⁴ G. Jung, *Geschichte der Frauen*, Tl. 1, Frankfurt am Main, 1850.

²⁵ C. Meiners, *Geschichte der weiblichen Geschlechts*, Tl. 1—4, Hannover, 1798—1800.

²⁶ A. Ségur, *Les femmes, leur condition et leur influence dans l'ordre social chez les différents peuples anciens et modernes*, Paris, 1803.

²⁷ A. Thomas, *Essai sur le caractère, les moeurs et l'esprit de femmes...*, Paris, 1773.

²⁸ H. Merivale, *Lectures on colonisation and colonies*, vol. I, London, 1841.

²⁹ E. Wakefield, *A view of the art of colonisation*, London, 1849.

³⁰ Th. Buxton, *The African slave trade*, vol. 1—2, London, 1839—1840.

³¹ W. Prescott, *History of the conquest of Mexico*, vol 1, 3, London, 1851; его же, *History of the conquest of Peru*, London, 1850.

³² Alexis Soltykoff, *Lettre sur l'Inde*, Paris, 1849.

³³ F. Bernier, *Voyages contenant la description des États du Grand Mogol, de l'Indoustan*, t. 1—2, Paris, 1830; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 214—215, 222.

³⁴ J. Money, *Jawa, or how to manage a colony*, vol. 1—2, London, 1861; J. Phear, *The Arian village in India and Ceylon*, London, 1880.

³⁵ G. Maurer, *Einleitung zur Geschichte der Mark — Hof — Dorf und Stadt — Verfassung und der öffentlichen Gewalt*, München, 1854.

ранее он ознакомился с сочинениями Гакстаузуена³⁶. В конце 1876 г. он читает работы по истории общинной собственности, написанные Хансеном³⁷, Демеличем³⁸, Утешеновичем³⁹, Карденасом⁴⁰, Кремази⁴¹. Но особенно большое значение Маркс придает в этой связи литературе о русской поземельной общине и вообще об аграрных отношениях в России.

Еще в 1869 г. Маркс начинает изучать русский язык, причем побудительным мотивом для этого у него является чтение произведений Н. Г. Чернышевского и книги Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России». В августе 1872 г. он получает от Н. Ф. Даниельсона «Письма без адреса» Чернышевского и приступает к их изучению. В первой половине 1873 г. он читает книгу А. А. Головачева об итогах крестьянской реформы в России⁴², начинает работу над пятитомным исследованием А. Скребицкого, посвященным той же теме⁴³, читает статью Н. Г. Чернышевского «Труден ли выкуп земли?»⁴⁴ и рецензию А. Северцева на книгу Б. Чичерина «Сельская община в России»⁴⁵. У Маркса вызывает интерес полемика по вопросу о развитии русского общинного землевладения, происходящая между западником Чичериным и славянофилом И. Беляевым; он просит в письме к Даниельсону прислать ему материалы, относящиеся к этой полемике⁴⁶. В конце 1873 г. Маркс читает этнографические работы Ф. Скалдина⁴⁷ и Н. Калачева⁴⁸. В феврале 1875 г. его заинтересовала журнальная заметка Г. Лопатина о русских религиозных сектах⁴⁹. В 1877 г. Маркс читает труды А. И. Васильчикова⁵⁰, М. В. Неручева⁵¹ и П. А. Соколовского⁵². В последующие годы подвергаются особо тщательному изучению работы М. М. Ковалевского, — в частности, такое значительное его произведение, как «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его развития»⁵³. Затем в поле зрения Маркса оказываются новые тома упоминавшейся уже работы А. И. Скребицкого, труды Ю. Э. Янсона⁵⁴, Н. Ф. Даниельсона⁵⁵. В третий или четвертый раз в первой половине

³⁶ A. Haxthausen, Studien über die innere Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländliche Einrichtungen Russlands, Bd. 1—3, Berlin, 1847—1852.

³⁷ G. Hansen, Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit, «Neues Staatsbürgerliche Magazin», 1835, № 3; 1837, № 6.

³⁸ F. Demelič, Le droit coutumier des esclaves méridionaux, Paris, 1876.

³⁹ O. Utešenovic, Die Hanskommunion der Südslaven, Wien, 1859.

⁴⁰ Fr. de Cárdenas, Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España, Madrid, 1873—1875.

⁴¹ Y. Cremazie, Manuel de notions utiles sur les droits..., Quebec, 1854.

⁴² А. А. Головачев, Десять лет реформ 1861—1871, СПб., 1872.

⁴³ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, тт. 1—5, Бонн-на-Рейне, 1862—1868.

⁴⁴ «Современник», 1859, № 1.

⁴⁵ «Современник», 1856, № 11.

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 482.

⁴⁷ Ф. Скалдин, В захолустье и в столице, СПб., 1870.

⁴⁸ Н. Калачев, Артели в древней и нынешней России, СПб., 1864.

⁴⁹ Г. Лопатин, Из Иркутска, «Вперед», 1874.

⁵⁰ А. И. Васильчиков, Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, СПб., 1876.

⁵¹ М. В. Неручев, Русское землевладение и земледелие, М., 1877.

⁵² П. А. Соколовский, Очерки истории сельской общины на севере России, СПб., 1877.

⁵³ М. М. Ковалевский, Общинное землевладение, причины, ход и последствия его развития, М., 1879.

⁵⁴ Ю. Э. Янсон, Влияние реформ 1861 года на сельское хозяйство и хлебную торговлю в юго-западных губерниях, СПб., 1868.

⁵⁵ Н. Ф. Даниельсон, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, СПб., 1880.

1881 г. перечитываются «Письма без адреса» Чернышевского. Ряд работ, освещающих поземельные отношения в России, Маркс изучает и в 1882 г.; к ним относятся труды В. И. Семевского⁵⁶, А. Исаева⁵⁷ и Г. Минейко⁵⁸. В сентябре 1881 г. Маркс предпринимает систематизацию накопившихся у него материалов по России, — он составляет список этих материалов и книг, которому дает заглавие — «Russisches in my Bookshelf («Русское на моей книжной полке»).

С мая 1881 по февраль 1882 г. Маркс изучает и подробнейшим образом конспектирует «Древнее общество» Моргана, — эта редкая тогда в Лондоне книга была доставлена ему из Америки М. М. Ковалевским. Параллельно с работой над произведением Моргана идет изучение трудов Э. Тайлора⁵⁹, Г. Мэна⁶⁰ и др. В октябре — ноябре 1882 г. Маркс изучает труд Д. Леббока «Начало цивилизации и первобытное состояние человечества»⁶¹. Так почти до самого конца своей жизни Маркс не переставал много и упорно заниматься вопросами этнографии и истории культуры.

Итогом этой работы явились не только выписки и конспекты, хранящиеся в архиве, но и многочисленные высказывания в опубликованных произведениях Маркса, относящиеся к теоретическим проблемам указанных выше научных дисциплин. Сущность и значение образования и развития этнических общностей в ходе исторического процесса, проблемы этногенеза, взаимоотношения и взаимовлияние национальных культур, закономерности развития материальной и духовной культуры, фольклор, мифология, религия, — все эти стороны жизни народов привлекали внимание Маркса и служили объектом его плодотворных научных изысканий; важное место занимали в научных интересах Маркса также проблемы возникновения и ранних стадий развития человеческого общества, связанные с первобытной общиной, закономерностями ее движения и распада. Разумеется, нет возможности в журнальной статье даже кратко остановиться на всех аспектах этой теоретической деятельности Маркса, мы коснемся лишь некоторых из них.

* * *

Уже с середины 40-х годов Маркс имел возможность подходить к изучавшемуся им фактическому материалу с позиций созданной им же в содружестве с Энгельсом философии диалектического и исторического материализма. Ключ к познанию исторического процесса был найден в положении о том, что материальные общественные отношения людей образуют основу всех их отношений. «Возьмите, — писал Маркс в письме к Анненкову, — определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество»⁶². Под этим углом зрения обнаруживалась несостоятельность идеалистических спекуляций о «духе народов» и расистских концепций, раскрывались и слабые стороны эволюционистской этнографии.

⁵⁶ В. И. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, СПб., 1881.

⁵⁷ А. Исаев, Артели в России, Ярославль, 1881.

⁵⁸ Г. Минейко, Сельская поземельная община в Архангельской губернии, Архангельск, 1882.

⁵⁹ E. Tylor, Primitive culture, vol. 1—2, London, 1871.

⁶⁰ H. Maine, Ancient law, London, 1861.

⁶¹ J. Lubbock, The origin of civilisation, London, 1870.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 402.

Развитие материального базиса общества определяет ход истории всех народов независимо от той части света, в которой они живут, от цвета их кожи и других антропологических показателей и измерителей. Оно протекает в определенной географической обстановке, которая, конечно, оказывает свое влияние и на направление, и на ход этого развития, но географический фактор не является решающим, ибо в разных социальных условиях одни и те же географические обстоятельства действуют по-разному. Темпы исторического развития разных народов неравномерны, но эта неравномерность зависит не от биологических особенностей самих этих народов и уж, конечно, не от предначертаний «абсолютного» или какого-нибудь другого духа, а от стечения сложной совокупности исторических и географических причин, конкретная картина которой должна особо выясняться для каждого данного случая. «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение... Но не только отношение одной нации к другим, но и вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения»⁶³. Народы, ушедшие вперед в своем развитии, и народы, отставшие от них, различаются между собой прежде всего и главным образом по достигнутому ими уровню развития производительных сил, все остальное — производное.

Непримиримо отрицательное отношение к расистским концепциям неравноценности разных народов было связано у основоположников марксизма с их принципиальным интернационализмом. Задачи соединения пролетариата всех стран и наций, объединения всех трудящихся разных стран и наций вокруг пролетариата и их совместной борьбы против капитализма, требовали такого решения национального вопроса, которое несовместимо с малейшим, каким бы то ни было проявлением национальной дискриминации или стремлением к национальному угнетению. «Народ, поработавший другой народ, кует свои собственные цепи»⁶⁴. То, что в либеральной эволюционистской этнографии второй половины XIX в. было продуктом хотя и прогрессивного, но абстрактно-академического подхода к проблеме, у классиков марксизма выражало не только строгую научность и обоснованность их концепций по существу, но и глубокую революционную партийность. Признание полной равноценности всех народов было одной из теоретических основ борьбы Маркса и Энгельса за национальное освобождение, за полное самоопределение наций.

Основоположники марксизма гневно разоблачали базирующуюся на национальном угнетении колониальную политику капиталистических стран. В «Капитале» Маркс показывает, к каким бесчеловечным методам эксплуатации и истребления колониальных народов прибегала буржуазия разных стран еще в период первоначального накопления: «История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей»⁶⁵. Конечно, не одна лишь голландская буржуазия прибегала к таким методам. Маркс говорит в этой связи о различных моментах первоначального накопления, «распределявшихся, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией,

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19—20.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 407.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 761.

Португалией, Голландией, Францией и Англией»⁶⁶. В итоге «сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал»⁶⁷.

Кровавая политика колониальной эксплуатации характерна не только для «новорожденного капитала», который источал «кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»⁶⁸, но и для позднейшей истории буржуазии вплоть до нашего времени. Еще при жизни Маркса умерла последняя тасманийка, немало других племен и народов осталось существовать теперь только в названиях на страницах ученых трудов по истории и этнографии. Бесславно пала в наши дни колониальная система империализма, но в тех местах, где еще сохранились ее остатки, угнетенные народы и племена продолжают испытывать на себе весь ужас колониального порабощения.

Разоблачая кровавую колониальную политику капитализма, Маркс и Энгельс вместе с тем указывали на ту объективно-прогрессивную роль, которую он сыграл. Они посвятили этому вопросу несколько ярких страниц «Коммунистического Манифеста», представляющих огромный интерес для решения некоторых этнографических проблем.

В ходе развития капиталистического производства возник всемирный рынок, что оказало огромное влияние на формы международного общения, на характер и результаты взаимоотношений между народами. Производство и потребление стали космополитическими. Буржуазия «вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют... отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света»⁶⁹. В соответствии с этим все более интернационализируется и спрос, — для удовлетворения новых возникающих потребностей нужны товары, вырабатываемые разными народами в разных концах земли. Приходит конец национальной замкнутости, наступает эпоха «всесторонней связи и всесторонней зависимости наций друг от друга»⁷⁰.

Рост экономических связей находит свое непосредственное выражение в культурных и духовных взаимоотношениях. «Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»⁷¹.

Это происходит, конечно, не без сопротивления со стороны отдельных народов, волей истории втянутых в общий поток капиталистического развития; Маркс и Энгельс говорят в этой связи о «китайских стенах», разделявших ранее народы, и об «упорной ненависти варваров к иностранцам». Но все решается неумолимым ходом общественного развития, базирующегося на технико-экономическом прогрессе: совершенствование средств производства и транспорта, удешевление производства и соответственно — падение цен на товары, — пробивают все китай-

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 761.

⁶⁷ Там же, стр. 763.

⁶⁸ Там же, стр. 770.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 427—428.

⁷⁰ Там же, стр. 428.

⁷¹ Там же.

ские стены. Постепенно у разных народов складывается капиталистический способ производства, и это обуславливает неумолимый процесс своего рода этнической нивелировки, стирания этнического своеобразия материальной и духовной культуры разных народов.

Чем дальше, — пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — тем «во все большей степени история становится всемирной историей»⁷². В основе этого процесса лежит все более развивающееся межнациональное разделение труда, в свою очередь базирующееся на прогрессе производства и широчайшем распространении все более усовершенствованных средств общения. А результатом является постепенное, но неуклонное «уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей»⁷³. В свою очередь, экономическое и культурное сближение разных народов оказывает обратное влияние на развитие производительных сил и производства, стимулируя его, давая ему новые импульсы. Особенное значение имеет при этом географическое расширение круга народов, участвующих в общении. «Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново... Только тогда, когда сношения приобретают мировой характер и базируются на крупной промышленности, когда все нации втягиваются в конкурентную борьбу, только тогда обеспечивается сохранение созданных производительных сил»⁷⁴.

Это весьма противоречивый процесс. Маркс проследил его на материале, относящемся к тому влиянию, которое оказало владычество британского капитала на традиционный жизненный уклад коренного населения Индии. Он не идеализировал этот уклад. «Мы..., — писал он, — не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы»⁷⁵. Маркс говорит далее о том пагубном влиянии, которое «эта лишенная достоинства, неподвижная, растительная жизнь» оказывала на общественные нравы, порождая унижающие человека обычаи, дикие и жестокие религиозные культы и представления. Разрушая этот уклад, английский капитал совершал объективно-прогрессивное дело, «как ни печально с точки зрения чисто человеческих чувств зрелище разрушения и распада»⁷⁶, связанное с этим прогрессивным процессом. Но диалектически противоречивый характер последнего обусловлен не только реакцией «человеческих чувств» и даже не теми «самыми низменными целями», которыми «руководствовалась Англия, вызывая социальную революцию в Индостане»⁷⁷.

Существенно в данной связи, что прогресс в рамках капитализма осуществляется бесчеловечными методами. И это относится не только к британскому владычеству в Индии. «Разве она (буржуазия.— И. К.)... когда-нибудь достигала прогресса, не заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений?»⁷⁸.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 45.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 54.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 135.

⁷⁶ Там же, стр. 135—136.

⁷⁷ Там же, стр. 136.

⁷⁸ Там же, стр. 228.

В те времена процесс уничтожения национальной замкнутости происходил лишь в его буржуазно-колонизаторской форме. Маркс предвидел неизбежность наступления того времени, когда этот процесс обретет качественно новые черты и формы. «Лишь после того,— писал он,— как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов,— лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»⁷⁹. Действительно, с момента возникновения социалистического способа производства уничтожение национальной замкнутости и сближение культур разных народов происходит в новом качестве, принципиально отличном от того, что присуще капитализму. В социалистическом обществе идет процесс сближения национальных культур на основе их взаимного обогащения. Здесь не буржуазия создает себе мир по своему образу и подобию, а народные массы разных стран и национальностей создают свою общую интернациональную культуру,— социалистическую по содержанию. При этом не может быть места насильственному насаждению новых форм, пренебрежению национальными особенностями культуры и быта отдельных народов, традиционным своеобразием их обычаев, языка, искусства.

Развитие капитализма привело к появлению нового типа этнической общности,— возникли буржуазные нации. Победа социализма на значительной части территории земного шара ведет к превращению этих наций в социалистические и к консолидации ряда малых народностей в социалистические нации. В новых исторических условиях, на принципиально иной основе идет процесс «обобщения» этнических особенностей. Для этнографической науки открывается широкое поле описания и исследования этого принципиально нового процесса,— его форм и путей, его результатов. Вместе с тем нельзя не видеть, что одним из важнейших условий познания новых процессов является исследование тех исчезающих форм, на смену которым приходят новые.

Огромное значение для этнических процессов нашего времени имеет то обстоятельство, что многочисленные народы разных материков освободились от империалистического гнета и вступили на путь самостоятельного исторического развития. Их богатейшие национальные культуры выступают теперь в мировом общении народов в новом качестве. Многие из этих народов используют представленную им историей возможность некапиталистического развития и становятся на путь строительства социализма. В этих условиях открываются новые возможности расцвета их национальной культуры, обогащаемой в ходе общения с другими народами, тоже идущими по пути прогрессивного развития. Сочетание традиционных форм культуры с новыми, возникающими в процессе интернационального общения, должно дать невиданные по своему богатству и своеобразию формы материальной и духовной культуры.

* * *

Став наукой в действительном смысле этого слова, этнография получила возможность в сотрудничестве с достигшей к этому времени серьезных успехов палеоархеологией сказать свое слово о ранних ступенях истории человеческого общества.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 230.

В этом отношении середина прошлого века была особенно плодотворным временем. С открытием в 1836—1841 гг. Ж. Буше де Пертом орудий каменного века, с открытием в последующие годы доисторических кухонных куч в Дании и свайных построек на Цюрихском озере, с находкой первого неандертальского черепа, появилась возможность — в дальнейшем богатейшим образом реализованная — сочетания этнографического материала с археологическим и реконструкции на этой основе истории первобытного общества. Известный вклад в эту работу внесла и историческая лингвистика.

В начале своего научного пути Маркс еще не имел возможности опираться на этот материал. «Коммунистический Манифест», написанный Марксом и Энгельсом в конце 1847 г., содержит знаменитую фразу: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»⁸⁰. В английском издании 1888 г. Энгельс снабдил этот тезис следующим примечанием: «То есть вся история, дошедшая до нас в письменных источниках. В 1847 г. предыстория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна»⁸¹. Дальше Энгельс ссылается на сделанные с тех пор открытия: «Гакстгаузен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением земель является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии»⁸². Л. Морган, говорит далее Энгельс, показал «внутреннюю организацию этого первобытного коммунистического общества в ее типической форме»⁸³. Теоретическое обобщение основоположниками марксизма этих важнейших научных достижений так же, как и открытый по истории семьи, сделанный Бахофеном и Мак-Леннаном, дало им возможность восполнить общую картину истории человечества ее начальным звеном, — первобытным доклассовым обществом.

Следует, однако, сказать, что уже в начальный период своей деятельности Маркс и Энгельс высказали ряд соображений о первобытном обществе, обнаруживающих гениальное проречение его действительной сущности. Написанные ими в сороковых годах работы уже содержат ряд важнейших положений, характеризующих основные черты материальной и духовной жизни первобытного общества. В особенности это относится к «Немецкой идеологии» — первому произведению, в котором классики марксизма «свели счеты со своей прежней философской совестью»⁸⁴ с позиций исторического материализма.

Уже в ранних своих произведениях Маркс и Энгельс отвергают две, характерные для XVIII в., полярно-противоположные, в одинаковой степени умозрительные и столь же неверные, концепции первобытной истории. Первой из них была «ходячая фикция XVIII века», которая «считала естественное состояние истинным состоянием человеческой природы». Идеализация первобытного человека («человека в естественном состоянии») приводила к созданию фиктивного образа некоего прекрасного, мудрого и доброго Папагено⁸⁵. Маркс высмеивает эту, пре-

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 8.

⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 85. Папагено — птицелов, персонаж из оперы Моцарта «Волшебная флейта».

тендующую на историчность, пастораль. Вместе с тем он не разделяет и представления Гоббса о «естественном состоянии» войны всех против всех и о первобытном человеке, якобы находившемся с другими людьми в отношениях волка с волками. Маркс самостоятельно в общих чертах реконструировал первобытное общество, исходя из известных в его время фактов антропологии, этнографии и археологии, осмысливая эти факты в свете основ открытого им мировоззрения.

Почти за полтора десятилетия до того времени, как Дарвин обнарудовал свою теорию происхождения видов, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» рассматривают уже первобытного человека как существо, генетически связанное с животным миром. Они неоднократно подчеркивают его зоологические черты, но при этом отчетливо фиксируют как те элементы его физического и духовного облика, которые унаследованы от животного, так и принципиальную грань, разделяющую человека и животное. Начало осознания человеком того факта, что он живет в обществе и соотносится с другими людьми, «носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан»⁸⁶. Осознание природы человеком на этой ступени происходит в формах столь же человеческих, сколь и зоологических. Природа «первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот»⁸⁷. И все-таки это уже человеческое общество, в котором действуют закономерности нового, по сравнению с биологическими, типа — социальные закономерности.

В основе общества лежит труд. «Первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей (в пище, питье, жилище, одежде и т. п. — *И. К.*), производство самой материальной жизни»⁸⁸. Способы, формы удовлетворения этих потребностей непрестанно совершенствуются, что и является основой дальнейшей истории. Здесь-то и находится водораздел между животным и человеческим состоянием. Можно, говорят Маркс и Энгельс, находить критерий различения человека и животного в чем угодно, — например, в сознании и религии. Важно, однако, что сами люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни»⁸⁹. В дальнейших исследованиях проблемы происхождения человеческого общества этот тезис послужил краеугольным камнем всех научных построений.

Производство неминуемо протекает в какой-то общественной форме. Представляет в рассматриваемой нами связи существеннейший интерес установление того, какова была эта форма на самых ранних ступенях развития общества, то есть по существу, — каков был первобытный общественный строй.

До появления трудов Бахофена, Мак-Леннана и Моргана в научной литературе господствовало представление о том, что первоначальной формой брачных отношений у человека, как и первой формой общегития в целом, была патриархальная, если даже не моногамная, семья. Энгельс говорит, что раньше «историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея». Допускалось, правда,

⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 30.

⁸⁷ Там же, стр. 29.

⁸⁸ Там же, стр. 26.

⁸⁹ Там же, стр. 19.

что «в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений»⁹⁰, известны были также различные формы многоженства, но все это выглядело как своего рода отклонение от патриархально-семейной нормы. Многоженство же, как соответствует и обычаям, отразившимся в Ветхом завете, рассматривалось как одна из модификаций тех же патриархально-семейных отношений.

В ранних произведениях Маркса и Энгельса современный им уровень развития исторической науки не мог не найти своего отражения. Но еще тогда, когда открытие доклассового общества средствами этнографии и археологии было делом будущего, Маркс и Энгельс писали: «Первая форма собственности, это — племенная собственность»⁹¹. Понятие племени (Stamm) имело тогда в немецком языке более широкое и менее специальное значение, чем ему придется в современной этнографической литературе. Во всяком случае, применение его здесь Марксом и Энгельсом означает, что они уже тогда считали первичной ячейкой общества, являющейся субъектом собственности, не отдельную семью, а более широкий коллектив.

Чем дальше в глубь истории, писал Маркс, «тем в большей степени индивидуум... выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с общиной в различных ее формах, возникшей из столкновения и слияния родов»⁹². Речь идет как будто об эволюционной линии: семья — род — община. На самом же деле взгляды Маркса уже в период работы над произведением «К критике политической экономии», т. е. во второй половине 50-х годов, не вполне укладывались в эту схему. Упомянув в этой работе о взглядах Аристотеля по поводу «частной семьи как первоначальной формы общения», Маркс заявляет: «Но первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения которой только и появляется частная семья»⁹³. Очевидно, говоря о семье, как первоначальной форме человеческого общежития, Маркс здесь уже имеет в виду не моногамную семью, а скорее разновидность общины.

На заре истории человек был еще в меньшей степени Робинзоном, чем в последующие исторические эпохи. В первобытном обществе вся жизнь человека и, прежде всего, его трудовая деятельность протекает в теснейшем сообществе с другими людьми, в коллективе. Это базировалось на двух основах: с одной стороны — на общем владении средствами производства, с другой стороны — на зоологической слитности первобытного человеческого стада. Эти два источника первоначальной неотрывности индивидуума от коллектива имеют разное происхождение: первая вытекает из такого общественного социально-экономического фактора, как общая собственность на средства производства, вторая связана с животным происхождением человека. Но в реальной жизни первобытного общества они взаимно проникают друг друга и образуют целостную картину доклассового примитивно-коммунистического общественного порядка.

И все же взгляды Маркса по вопросу о первоначальной форме человеческого общежития в 50—60-х годах еще не вполне сложились. Так, в первом томе «Капитала» он пишет: «В пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода...», Энгельс в третьем издании этого

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 215.

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 20.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 710.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 37.

произведения дал здесь такое примечание: «Более поздние весьма основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора к выводу, что первоначально не семья развилась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов»⁹⁴.

Работы Гакстгаузена, Маурера и, в особенности, Моргана дали классикам марксизма важнейшие материалы для подтверждения, дальнейшего развития и насыщения конкретно-историческими данными тех предположений о господствовавшей на заре истории общей собственности, которые они высказывали и раньше.

Представление об отсутствии частной собственности на первых стадиях истории человечества было весьма распространенным уже в литературе XVII—XVIII вв. Оно, однако, не составляло тогда элемента исторической концепции, в которой это состояние рассматривалось бы как звено закономерной цепи исторического движения. Руссо и Гоббс, например, считали, что первобытная общественная собственность распадается в силу губительных по своим последствиям (как считал первый) или, наоборот, благодетельных (с точки зрения второго) устремлений отдельных членов общины. Для Руссо первый человек, отгородивший участок и назвавший его своим, совершил воровство, для Гоббса, наоборот, его следует чествовать как основателя важнейшего для людей института государства. Но ни тот, ни другой не могли увидеть в возникновении частной собственности того элемента естественно-исторического процесса, который лежал в основе разделения общества на классы и возникновения государства.

Гакстгаузен в 40-х годах прошлого века обнаружил существование в центральных губерниях России порядков поземельной общины. Маурер в ряде своих трудов доказал, что господствующей формой земельной собственности у древних германцев, а также и на протяжении раннего средневековья у немцев, тоже была община. Маркс хорошо знал труды этих авторов. Относясь несколько иронически к «почтенному советнику» Гакстгаузену вследствие его реакционных социально-политических взглядов, классики марксизма все же воздавали должное значению его открытия. С живейшей симпатией Маркс пишет о «сочинениях старика Маурера», в которых обосновывается положение о том, что частная собственность на землю представляет собой сравнительно позднее явление. Но и Гакстгаузен, и даже Маурер не были в состоянии понять все значение их собственных открытий: они не видели универсальности общинного порядка и не понимали того, что он представляет собой форму человеческого общежития, присущую ранней ступени истории общества.

В одном из писем к Энгельсу Маркс говорит: «Выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новые подтверждения»⁹⁵. Констатируя всеобщую распространенность общинных порядков в древности, Маркс делает вывод об ошибочности мнения о том, будто община представляет собой специфически русское явление.

Вполне определенно утверждал Маркс универсальность общины в «Критике политической экономии». Он говорит там, что «общинный

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 364.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 36.

труд в его первобытной форме» имел место «на пороге истории всех культурных народов». В примечании к этой фразе Маркс высмеивает «смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма». На самом деле общинная собственность есть «первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов» и «целый ряд ее разнообразных образцов... до сих пор еще встречается у индийцев»⁹⁶. Именно разложение первобытной общинной собственности влечет за собой возникновение порядков классового общества, а с ними — и государства.

К вопросу об исторической роли и судьбе первобытной общины Маркс неоднократно возвращался во многих своих работах. Подробные высказывания на эту тему содержатся и в сохранившихся трех набросках его письма к Вере Засулич; адресату был отправлен четвертый вариант, — наиболее лаконичный. Как само письмо, так и его черновые варианты представляют большой теоретический интерес.

В. Засулич поставила перед Марксом вопрос, — считает ли он неизбежной гибель поземельной общины в России. Его ответ на этот вопрос был отрицательным, — община может уцелеть, но «чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»⁹⁷. Этим было положено основание марксистско-ленинской теории прогрессивного общественно-экономического развития оставших стран по некапиталистическому пути. Мы находим в марксовых черновиках письма к Засулич ряд существенных положений, характеризующих значение первобытной общины и в общеисторическом плане.

С первобытной общиной Маркс сопоставлял «земледельческую», рассматривая первую как начальную ступень «архаической формации», а вторую — как последнюю ступень. «В историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»⁹⁸. В свете приведенных ранее высказываний Маркса ясно, что такая характеристика исторической роли земледельческой общины относится не только к Западной Европе, она выражает некую общую закономерность социально-экономического развития всех народов и является существенным звеном общеисторической концепции, по которой начальной ступенью развития человечества был строй, в основе которого лежала общественная собственность на средства производства.

Появление в 1877 г. книги Л. Моргана «Древнее общество» показало, что к аналогичным выводам пришел и ее автор, пользуясь главным образом этнографическим материалом. Известно, как высоко оценили основоположники марксизма труды Моргана. Маркс не успел осуществить свой замысел написания большого произведения, в котором концепция Моргана и обосновывающий ее фактический материал были бы не только подробно изложены, но и подвергнуты обстоятельному разбору. Пользуясь обширным конспектом книги Моргана, составленным Марксом, Энгельс написал свою знаменитую работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Известно фигурирующее у Моргана разделение истории человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации; каждый из этих периодов, в свою очередь, делился им на низшую, среднюю и высшую стадии.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 20.

⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 410.

⁹⁸ Там же, стр. 404.

Периодизация: дикость — варварство — цивилизация — была предложена еще в XVIII в. шотландским философом А. Фергюссоном⁹⁹, а потом с прибавлением еще двух периодов была повторена Ш. Фурье¹⁰⁰. Таким образом, заслуга Морганя заключается не в самом выдвигании этих трех понятий в качестве вех, знаменующих этапы истории. Тем более это можно сказать о делении каждого из периодов на стадии, ибо такие три стадии проходит в своем развитии любое явление, а конкретные признаки перехода от одних стадий к другим, предложенные Морганом, в ряде случаев в свете фактов, накопленных позднейшей наукой, оказались ошибочными. И все же периодизация, данная Морганом, имела для своего времени большую ценность.

Заслуга Морганя заключалась в том, что в основу периодизации человеческой истории был положен материалистический критерий развития производительных сил. Специфическим признаком периода дикости Морган признал присвоение готовых продуктов природы, как основной способ добывания человеком средств к жизни, для варварства же он считал характерным производящее хозяйство в таких его разновидностях, как скотоводство и земледелие. Рубежи перехода от одной стадии к другой внутри каждого из периодов также связаны у Морганя с изобретениями и открытиями в технике и производстве. Конечно, в сравнении с такими концепциями, по которым критерий прогресса и отдельных его этапов следует искать в развитии интеллекта, в эволюции религии, в «сознании свободы» (Гегель) и т. д., учение Морганя имело большое положительное значение, по достоинству оцененное основоположниками марксизма.

Унаследовав сильные стороны эволюционизма, — положение о единстве человеческого рода и идею прогрессивного развития, Морган освободился от ряда его слабостей. Биологизация общественных явлений, непонимание значения качественного своеобразия отдельных этапов историко-эволюционного пути, а, главное, — непонимание значения материального фактора в общественно-историческом процессе, — эти черты ограниченности эволюционизма были в основном преодолены Морганом. Результатом его сорокалетней работы было самостоятельное создание такой концепции исторического процесса, которая в основных своих чертах совпала с ранее созданной Марксом и Энгельсом теорией исторического материализма.

Во всех характеристиках трудов Морганя, находимых нами у классиков марксизма, на первом месте стоит положение о том, что американский этнограф самостоятельно открыл исторический материализм. Общеизвестны высказывания этого рода, принадлежащие Энгельсу¹⁰¹. Реже приводится в нашей литературе оценка значения Морганя, данная В. И. Лениным в ходе его полемики с Н. К. Михайловским.

Народнический публицист пытался иронизировать по поводу того, что до Морганя «древняя греческая, римская и германская история оставались неразрешенными загадками», несмотря на то, что исторический материализм был уже давно открыт. В. И. Ленин показал всю беспочвенность выпадов Михайловского. Применение, сказал он, основного положения исторического материализма к анализу некоторых периодов общественного развития затруднялось до Морганя недостатком фактического материала, — в частности, была своего рода загадкой и «гентиль-

⁹⁹ A. Ferguson, An essay in the history of civil society, Dublin, 1767.

¹⁰⁰ Вся периодизация выглядела у него так: эденизм («райский период», золотой век), дикость, патриархат, варварство, цивилизация. См. Ch. Fourier, Théorie des quatre mouvements, Paris, 1808.

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25; т. 36, стр. 97, 109; т. 39, стр. 176.

ная организация». Собранный же Морганом богатый материал дал ему возможность «проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (например, правовых или религиозных), а в материальных. Ясное дело, что этот факт дает блистательное подтверждение материалистического метода — и ничего больше»¹⁰².

Для Маркса и Энгельса значение Моргана также состояло, прежде всего, в факте самостоятельного «нового» открытия созданной ими философии истории ученым, базировавшимся лишь на логике добросовестно изученного им огромного количества фактов. Здесь заключалось еще одно подтверждение исторического материализма. Факты же, собранные и сообщенные Морганом, создавали, как писал Энгельс, прочную базу всемирной истории. К тому же, открыв доисторическую основу истории, Морган с широтой и смелостью, необычными для буржуазного ученого, делал выводы, относящиеся к будущему человеческого общества: «Он... заканчивает свой труд коммунистическими выводами по отношению к современности»¹⁰³. Само собою разумеется, что для основоположников марксизма это должно было явиться еще одним источником симпатий к американскому ученому, труды которого упорно замалчивались его буржуазными коллегами.

При всем своем положительном отношении к Моргану Маркс и Энгельс вовсе не принимали безоговорочно все содержание его труда. Как известно, Энгельс, написав «Происхождение семьи», «выполнил завещание» Маркса. Он использовал при этом марксов концепт «Древнего общества» и содержащиеся в нем критические замечания по адресу Моргана, а также, видимо, и неоднократный устный обмен мнениями с Марксом по этим вопросам. И можно рассматривать как своеобразный итог этих обсуждений положение, высказанное Энгельсом в связи с его работой над «Происхождением семьи»: «Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически, и, используя вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»¹⁰⁴. К тому же, Маркс и Энгельс указывали на то, что и фактическая основа трудов Моргана в ходе дальнейшего развития науки будет, вероятно, превзойдена новыми достижениями последней. Уже в предисловии к IV изданию «Происхождения семьи» Энгельс писал, что за семь лет, прошедших после первого издания этой книги, «в изучении первобытных форм семьи достигнуты большие успехи», обязывающие сделать в тексте «тщательные исправления и дополнения»¹⁰⁵. Имеются, конечно, в виду при этом и те исследования, которые были за этот период осуществлены и в других областях истории первобытного общества — помимо истории семьи. В самом же тексте своего труда Энгельс, ссылаясь на моргановскую периодизацию истории, сделал специальную оговорку о том, что она останется в силе «до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения»¹⁰⁶ в нее. За почти столетие, прошедшее после того, как Энгельс написал эти слова, «значительное расширение материала» стало фактом, так что многое в моргановских построениях подлежит теперь пересмотру. Незыблемыми, однако, остаются его исходные теоретические позиции или, точнее сказать, то, что совпадает в этих позициях с краеугольными положениями исторического материализма.

¹⁰² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 109.

¹⁰⁴ Там же, стр. 123.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 214.

¹⁰⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 28.

Советские этнографы продолжают исследование проблем истории первобытного общества, руководствуясь принципиальными положениями исторического материализма и обобщая в свете этих положений тот новый фактический материал, который продолжает поступать в распоряжение исследователей.

* * *

Современная наука имеет теперь возможность рассматривать идейное наследие Карла Маркса в свете нового общественно-исторического опыта и той огромной массы фактов, которая поступила в распоряжение исследователей с конца XIX в. И, с другой стороны, именно в произведениях основоположников марксизма-ленинизма содержатся те мировоззренческие и методологические ориентиры, которые позволяют нам правильно разобраться во все растущем потоке новой информации, в своеобразии новых этапов развития науки, в содержании ее достижений на каждом из этих этапов.

SUMMARY

The article deals with some aspects of the work of Karl Marx on problems of ethnography and culture history. All his life Marx kept abreast of the literature in these fields, made extensive excerpts of the works studied; his general philosophical concept of history was founded on factual historical and ethnographical material. The author attempts to trace the development of Marx's views on the national problems and some aspects of the history of primitive society, underlying the great importance attached by Marx to the works of Bachofen, MacLennan, and particularly L. H. Morgan. Both Marx and Engels assumed that further progress of scientific knowledge might lead to material changes in the ideas formulated by those scientists. Soviet ethnographical science guided by the methodology of Marxism-Leninism carries on the traditions of Marx and Engels it continually studies new flows of ethnographical information and reaches theoretical conclusions through analyzing this material.
